

Владимир Козырев

Геометрия времени

Владимир В. Козырев

Геометрия времени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54753706

«Геометрия времени» / Владимир Козырев: Издательство ИП Бабина

О. М. «ИД РИС»; Москва; 2020

ISBN 978-5-907291-07-9

Аннотация

Роман Владимира Козырева «Геометрия времени» расскажет читателю о жизни в Москве 80-х – 90-х годов прошлого века. Повествование ведется от первого лица, но лишь частично это лицо автора. В книге соединены два плана: жизнь, прожитая в действительности, и жизнь вымышленная. Это жизнь поэта и музыканта в эпоху застоя и перестройки. Ранее автором был опубликован сборник стихов «Возвращение».

Представленный опыт прозы – не первый в творчестве автора, баловавшегося в юные годы рассказами в жанре фантастического реализма.

Книга рассчитана на любителей психологической прозы от 18 лет.

Содержание

Часть 1	5
В парке	5
Метапсихоз	7
Факультет	12
Столкновение с реальностью	22
Скачок	27
Развязка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Козырев

Геометрия времени

© Козырев В., 2020 г.

Часть 1

В парке

Живя в провинциальном немецком городе, забываешь о времени. Время начинает существовать только тогда, когда что-то в жизни или в мире меняется. А здесь день начинается с унылого звона кирхи и им же заканчивается. Словно и не было этого дня, и люди, живущие здесь давно, могли бы спросить себя: а живут ли они вообще? В особенности старики – их здесь так много, точно и не умирают. Что-то ненастоящее есть в этих немецких городах, что-то игрушечное, как будто находятся они внутри золоченой табакерки лишь затем, чтобы Господь Бог, время от времени приоткрывая крышку, мог сделать свою очередную понюшку и оглушительно чихнуть куда-то на восток.

Господи, дай мне шанс. Дай прожить остаток жизни так, как я хочу, не задумываясь ежедневно о смерти и о том, каким вообще образом я появился на свет. Дай мне любовь настолько сильную, чтобы невозможно было ее обнаружить, не растекаясь от стыда. Дай мир моему уму и бурю моему сердцу. А все остальное я сделаю сам.

В эмиграции я не написал и двух стихотворений. А по-

скольку моя жизнь измеряется количеством поэтических строк, то и рассказать мне об этом пустом объеме абсолютно нечего. Вероятно, сюда приезжают умирать или делать из своих детей европейцев. И все-таки, желаю здравствовать всем тем, кто сумел обрести в Европе свою вторую родину. Низко кланяюсь сменившим свой монгольский диалект на благозвучие немецкой речи. Как вы понимаете, ко мне все это не имеет никакого отношения. Я просто сижу на скамейке в платановой роще, расположившейся между нашим домом и супермаркетом Aldi. Рядом со мной на скамейке стоят два огромных пакета с продуктами. У меня большая семья и кормить ее надо каждый день. А младшие девочки всегда просят чего-нибудь вкусенького. Как не похож этот мир на дикую, беспомощную Москву образца девяностых. Можно обо всем забыть и радоваться тому, что времени больше нет. Хотя я-то хорошо знаю, что никуда оно не делось. Сидит в примерной и ждет своего выхода. Исполненное уверенности, что без него пьеса не будет сыграна до конца. Просто больше некому убить главного героя. Кстати, о времени: сейчас я вернусь в нашу огромную квартиру, выпью стакан апельсинового сока и буду наслаждаться вторым томом грандиозного романа Марселя Пруста. Роман очень длинный, и убийце придется еще немного подождать.

Метапсихоз

Меня угораздило родиться, стыдно сказать, поэтом. То есть в самый момент рождения я этого не знал, не знал и много позже. Жил полу праздной незатейливой жизнью, имел какие-то мелкие деньги, непродолжительные связи с девушками, пока, наконец, очередной раз не влюбился полностью и окончательно. Ее лицо напоминало кинжал или что-то вроде того, с одной из картин Модильяни. Я не сразу заметил ее в конторе, где я получал зарплату, потому как занят тогда был исключительно собой и своими гениальными идеями. Как-то мы курили вместе в тесном коридорчике, о чем-то говорили, и первая ее фраза, которую я осознал, была:

– Ты был знаком с Высоцким?

– Нет, конечно. А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался я.

– Просто так. Сейчас много о нем говорят совершенно ненужного.

– Так я же ничего не говорил!

Надо сказать, что Владимир Высоцкий умер за три месяца до этой беседы с Ларисой, так звали мою собеседницу.

Дальше – провал в памяти, а через несколько дней, свалив с работы, чтобы посмотреть американский фильм, как сейчас помню, «Козерог-1», встретил ее на Цветном бульваре с

еще двумя нашими девицами, внимательно облизывающую эскимо на палочке. Она подняла голову, посмотрела точно в мои зрачки. Она чуть улыбалась. И в ее взгляде был открытый вызов.

– Я вообще-то решил прогулять, – говорю, – иду в кино.

– А не боишься, – спросила она.

– Чего я должен бояться?

– Накажут, – сказала она и опять улыбнулась как-то вызывающе дерзко.

В кинотеатре я высидел десять минут. Меня знобило. Закрывая глаза, я видел ее узкое лицо с дерзкими глазами. Этот образ отпечатался на сетчатке так прочно, что большого цветного экрана я просто не замечал.

Я выскочил на улицу. Тротуар был покрыт красными кленовыми листьями, которые продолжали падать и ложиться все новыми и новыми слоями. Я посмотрел вверх. Небо, разрезанное кленами, было бледным и, несмотря на осень, прозрачным. Я вздохнул, и ноги сами повлекли меня обратно в контору.

Мы живем в жаркой пустыне и ждем, когда нас ударят кинжалом в грудь. Это мы называем любовью. Сначала мы ждем ее, получаем то, что хотели, а потом не знаем, как вырвать ее из своего сердца. Такая любовь не имеет никакого продолжения. От нее не бывает детей. От нее рождается миф.

То ли я ревновал Ларису к покойному барду, то ли сам

в отроческие годы был околдован его песнями, но в мыслях моих он занял слишком прочное место. Уже через месяцы и даже годы я слышал с кассет что-то новое, чего не слышал раньше, и возникало странное ощущение, что Высоцкий не умер, а существует где-то в пространстве и посылает нам все новые и новые сигналы.

Что же касается Ларисы, то я сдался, как говорится, без боя. Я хотел только видеть ее, слушать ее ироничные замечания обо всем в мире, и мечтал, что, может быть, и она меня когда-нибудь услышит. Так родилось мое первое стихотворение.

Кто вообще может сказать, каким образом появляются стихи? Возможно, это разговор с Богом. А может быть, как мне теперь кажется, это попытка восстановить совершенство мира, претерпевшего после Творения какую-то чудовищную катастрофу.

Стихи возникают, как звон серебряного колокольчика в сознании. Они возникают целиком, сразу. Рука не успевает их записывать. Если это так – значит, стихотворение от Бога, а все остальное – просто литературный мусор. Звон этого колокольчика следует за чудовищным напряжением любви, отчаяния, надежды. Записанное на клочке бумаги стихотворение освобождает поэта, как освобождает оргазм от страха и страсти.

Несмотря на мою сконцентрированность на Высоцком, в моих первых стихах явно звучал Александр Блок. Я обнару-

жил это уже позже, когда подробно ознакомился с его творчеством.

Как-то я сказал Ларисе, провожая ее домой после работы:

– Мне очень жаль, что я ни разу не поговорил с твоим другом с глазу на глаз.

– Ничего бы из этого не вышло, – сказала она. – Вам просто не о чем было бы говорить.

– Знаешь, – говорю, – я могу найти общий язык с кем угодно. Не надо думать обо мне так пренебрежительно.

Она ничего не ответила.

Свои первые стихи я дарил ей, и она принимала их с какой-то странной и сожалеющей улыбкой. Так улыбалась мама, когда я, будучи ребенком, демонстрировал ей плоды своих стараний – посмотри, что я сделал. И все-таки стихи, несмотря на их незавершенность, были хороши. Вряд ли сейчас, обремененный почти тридцатилетним опытом, я мог бы написать что-либо подобное. Они не были банальными. Но они демонстрировали мою слабость. Однажды ночью я проснулся, оттого что в голове у меня зазвучали рифмы. Они звучали громко, резко, настойчиво. Я сел к столу, как был – раздетый, и в считанные минуты записал стихотворение. Оно показалось мне слишком необычным. И словно я уже читал его когда-то, читал или слышал. Я закрыл глаза. Зазвенели китайские колокольчики. Я снова стал извлекать из пустоты слова. Перо легко скользило по бумаге. Появилось второе стихотворение, так не похожее на первое, как бабоч-

ка не похожа на тигра. Близилось утро. Передо мной лежали два стихотворения, два синих столбика, написанные с интервалом в несколько минут. Одно, пришедшее неизвестно откуда, и другое, бывшее самым совершенным из всего, что я до сих пор написал. Придя на работу, я отдал оба стихотворения Ларисе. Она прочла первое, улыбнулась, потом второе и вдруг приложила его к груди.

– Это отсюда, – тихо сказала она.

Эта фраза и этот жест были самым лучшим и самым настоящим из всего, что я когда-либо от нее слышал. Она была человеком ироничным, иногда даже язвительным. Нас объединяла абсолютная неприязнь к советской власти и всем ее инструментам в виде обожравшейся партии, рехнувшегося КГБ и иссушающей душу идеологии. Только много позже я понял, что ее отношение к режиму, а никакого другого она никогда не видела, было чем-то вроде сицилианской защиты в единственном шахматном дебюте, в котором черные ведут атакующую игру. Вряд ли мне приходило в голову, что жизнь ее гораздо безысходнее моей, и мои стихи она считает просто детской игрой. Я вернусь к этому рассказу, но уже после того, как загудят миллиардами пчел отдохнувшие турбины Люфтганзы, и серое поле Штуттгардского аэродрома провалится в далекое прошлое.

Факультет

По образованию я экономист тире математик. Почему я выбрал эту специальность в такое время и в таком месте – навсегда останется для меня загадкой. Ибо нет, не было и не может быть у коммунистов никакой экономической науки. Возможно, меня привлекло слово, стоящее после тире. Я любил математику. Я мечтал сделать великое открытие в области либо теории множеств, либо в теории чисел. Я любил геометрию и мог часами просиживать над мехматовскими задачами. Кроме того, математика – наука беспартийная, а это, как известно, дорогого стоит. Однако что-то не сложилось в высших сферах, и я оказался в одном из московских экономических вузов. Первоначально у меня были иллюзии. Я хотел математизировать теорию Маркса и получить Нобелевскую премию.

Затем плюнул на все и погрузился в чтение мировой классики.

Пруст, Кафка, Джойс делали мою духовную жизнь вполне насыщенной. Я решил написать роман. Даже придумал для него подходящее название. Я знал, какой фразой он закончится. Но вот в мои руки попал «Мастер и Маргарита», и я понял, что роман этот уже написан совсем другим человеком. Жить стало неинтересно, и я увлекся пивом. Образовалась компания: Миша Фарм, Слава Молянский, Са-

ша Мельников, Фима Арабов. Мы облюбовали один не самый роскошный пивной бар и частенько просиживали там, предпочитая свежее пиво и не очень свежие креветки Марксу, Энгельсу, Ленину и всем другим господам, трудами которых наша жизнь стала столь легка и приятна. Мне было девятнадцать лет, я не знал еще ни одной женщины, но надо сказать, не сильно от этого переживал. Мастурбация заменяла мне любую женщину, которую оставалось лишь представлять мысленным взором, а при моем воображении это не составляло никакого труда. О чем мы говорили? Обо всем. О том, что Брежнев – дебил. О том, что Любимов – гений. И еще о том, что никакой другой власти, кроме советской, в этой стране не может быть. Затем шла философия: Беркли, Кант, Фихте, но не Гегель, ибо он навек связался в сознании теорией коммунистической диктатуры. Впрочем, как и Фейербах. Самым глубоким философом был Фима (за это его, вероятно, и отчислили с первого курса).

– Что такое истина? – спросил он как-то меня.

И я, мыслящий лишь математическими формулами, ответил, не задумываясь:

– Истина – это однозначность устройства мира.

Фима был потрясен.

– Ты это запиши, – сказал он мне.

Кстати, мое знакомство с Фимой продолжалось еще несколько десятилетий, пока он не стал человеком больным, желчным и чересчур грубым. Но влияние на мою жизнь ока-

зал огромное. У него было своеобразное чувство юмора. Однажды я был у него в гостях, пили бутылочное пиво, ели свежесваренные им креветки и вдруг, подойдя к окну, он сказал:

– Володь, посмотри.

Я взглянул за окно. Шел ливень. Внизу далеко под нами двигалась по улице поливальная машина и поливала кипящую от дождя мостовую из всех своих отверстий. Так Фима и вошел в мою память, навсегда связанный с этой не то безумной, не то циничной и беспомощной машиной.

Надо сказать, что никаких глубоких привязанностей, граничащих любовью, у меня к моим однокашникам не было. Все было просто – мы вместе проводили время, трепались и пили. С пива началась и моя дружба с Мельниковым, которого сразу же стали называть Шуриком. Как-то после лекций, а может, и вместо, мы курили на лестничной площадке второго этажа, и он неожиданно (хотя что в этом неожиданного) предложил по пиву. Я был не против, но заметил:

– Больше, вроде, желающих нет.

– А что, вдвоем не хочешь? – не то обиженно, не то высокомерно спросил он.

– Да нет, отчего же? А деньги есть?

Мы подсчитали деньги. Их было около шести рублей.

– Должно хватить, – сказал я.

И мы побрели вдвоем, туда, под мокрый снег, ища приключений на свою задницу.

Пивной бар у Покровских ворот был местом весьма известным. Известным практически всем студентам столицы, и можно только удивляться, что бывали в этом баре и свободные места, – хоть иногда, но бывали. Стены двух небольших залов были испещрены названиями ВУЗов, именами, а также короткими воззваниями. За самым дальним и, пожалуй, самым неудобным столиком сидел Фима в гордом одиночестве (к тому времени его уже вышибли из института за излишний ум). В зале явно пахло мочой из примыкающего к нему туалета. К запаху мочи примешивался запах креветок, и под таким именно знаком этот день вошел в мою память.

Фима уже тогда был лысоват. Тонкие чувственные губы и слегка изможденное лицо делали его похожим на Великого Инквизитора. Он был сибарит. К пиву едва прикасался губами, креветку чистил тщательно и осторожно и подносил ее белое мясо ко рту, словно причащался.

Разговор шел в основном между Фимой и Мельниковым, а я, вероятно, отставший от них в развитии, просто слушал.

Мельников излагал свой взгляд на марксизм. Теорию Маркса он считал универсальной и вполне пригодной для анализа советской власти. Внутренние противоречия буржуазного общества аналогичны противоречиям советского. Прибавочная стоимость никуда не исчезла, как ее ни назови, а степень эксплуатации стала еще выше.

– Выход из этого противоречия, – говорил он, – в том развитии, которое имеет место в западных демократиях, а имен-

но – переход к постиндустриальному обществу с незначительной концентрацией капитала и увеличении роли живого труда.

– А как быть с дядей Васей? – спросил Фима.

– С каким Васей?

– С хамом и жлобом. Каким термином ни называй свое общество, похабство и хамство из него никуда не денутся. Народ страдает не от режима, а, как бы это мягче сказать, от собственного хамства. Установи здесь любую демократию, используй любые постиндустриальные технологии – будет только хуже. Корень – в истории народа, идущей еще от татар. Чем советская власть отличается от Золотой Орды?

Они пили, ели и спорили, с моей точки зрения, ни о чем. Просто красиво проводили время. Я был на стороне Шурика, но считал, что и говорить тут не о чем. Меня больше интересовала психология.

– И какой твой прогноз? – спросил Мельников.

– Все кончится новым средневековьем, – заявил Фима, обсасывая креветку.

– Давайте о бабах, – сказал Мельников.

– Можно и о бабах. Вот, например: откуда мальчик знает, что надо делать с женщиной. И что бы он стал делать, если б ему все это предварительно не объяснили за стаканом водки взрослые дяди. Мельников почесал в затылке:

– Не знаю, – честно сказал он.

В разговор о женщинах и я готов был включиться. Хотя

бы потому, что к беседам на социальные темы у меня выработался стойкий иммунитет после знакомства с преподавателем научного коммунизма, отставным полковником КГБ Горманом. На одном из первых занятий всеобщий любимец, красивый парень Володя Петров поинтересовался, когда будет построен коммунизм. Горман отреагировал мгновенно:

– Значит, так, – сказал он, – никаких вопросов мне не задавать – раз, отвечать только на мои вопросы – два, знать учебник наизусть – три. Всем все ясно?

– Господи, – тихо простонала сидящая недалеко от меня Таня Буянова.

Горман дернулся, словно через него пропустили электрический ток:

– Еще раз услышу про боженку – вон за дверь и никакого зачета.

Мне сразу стало скучно. Говорить тут вообще не о чем. Советская власть – это вроде стихии. Ее можно либо принимать такой, какая она есть, либо удавиться.

Но и разговоры о женщинах не доставляли мне никакой радости.

К этому времени, т. е. к двадцати годам, я начинал чувствовать неудобство от того, что никакой девушки у меня не было. Я полагал, что сначала надо влюбиться, а потом уже будет и все остальное. Но что значит влюбиться? Сердцу ведь не прикажешь. Я не знал тогда, что онанизм нежелателен хотя бы тем, что делает удовлетворение слишком доступным.

И занимался я этим только в пику большевикам, которые от чего-то не любили онанизм и наложили на него молчаливое табу. Это, конечно, было глупо. Можно себе представить: вся страна ночью начинала протестовать против ига большевизма. Свое будущее в этом смысле я не представлял никак. Математические формулы не давали на это ответа.

Почему я влюбился именно в Кристинку – сказать не могу. Скорее всего, мысль о том, что мне нужна девушка, инициировала бессознательный поиск. Среди девушек нашего факультета я, в конце концов, остановил выбор на той, которой, как мне казалось, легче всего довериться. Мысль о том, что я девственник, угнетала меня. Мне казалось это стыдным. Кристинка – высокая, с роскошными волосами. Это мне нравилось. Я начал задерживать на ней взгляд. Когда она смотрела в другую сторону, конечно. Очень скоро ее прямого взгляда в мои зрачки я уже не мог выносить. Она начала посещать мои сновидения, как правило, эротического характера. И так постепенно она заняла все мои мысли и все устремления. Может быть, это было самовнушение, не знаю. Но это самовнушение, подкрепленное ночными поллюциями, превратило мой интерес к Кристинке в настоящую влюбленность, а какой бывает более настоящая, я не знаю. Я ловил каждое ее слово и долго рассматривал его со всех сторон. Искал тайный смысл. Однажды она попросила сделать за нее курсовую работу по математической статистике. Я был на седьмом небе. Калькуляторов тогда не было, и я всю ночь

складывал, перемножал и делил числа на бумаге. На другой день вручил ей сделанную работу.

– Как, уже? Так быстро? – удивилась она.

– Я же обещал.

Вообще, я неплохо учился, и у меня была репутация хорошего математика. После этого случая я начал задумываться, как открыться Кристинке. Сказать об этом я не мог, даже по телефону. И я решил написать письмо. Узнал в деканате ее почтовый адрес и на одном дыхании написал ей все. Тогда мне такие признания казались постыдными и невозможными. Письмо я отправил в пятницу, чтобы она получила в выходные дни, а в понедельник прогулял институт, чтобы дать время и ей, и себе. Был декабрь 1972 года. Во вторник на лекции сел прямо за ней. Я думал, она обернется. Когда прозвонил звонок, я пошел по проходу. Она догнала меня и быстрым движением сунула мне в руку сложенный вчетверо листок. Я не сохранил это письмо, время уничтожило его. Помню только фразу: «не клади голову на руки и не страдай так открыто». И приписку, сделанную, вероятно, перед самым вручением: «никогда со мной не садись». Самое интересное, что после прочтения письма я почувствовал облегчение. Что же, роль сыграна, можно отдохнуть. Я не знал тогда, что чувства мои только начинают свою работу.

Ночью я не спал. Я старался понять, что же теперь делать. Наивно, конечно, ведь Кристина моей еще не была, а я уже думал, как же буду жить без нее. Я полагал, что никого боль-

ше у меня не будет, и не знал, что жизнь только начинается.

Через месяц после этой ночи мы с Кристиной первый раз поцеловались. Затем отношения развивались по-всякому. Она и прогоняла меня, и возвращалась обратно. В мае 1974 года я, Шурик и Кристина уединились в квартире Елены Владимировны, рассказ о которой еще впереди, для подготовки к экзамену по экономической кибернетике.

Вечером Мельников ушел, и мы с Кристиной остались одни. Мы сидели на кушетке при свете ночника. Я поцеловал ее щеку и вдруг начал целовать всю: руки, шею, губы. Трогал ее руками, пытаюсь раздеть. Возбуждение достигло наивысшей точки. Вот мы легли уже голые, и я пытаюсь что-то сделать со своим членом. Тот принял небывалые ранее размеры, и я никак не мог обнажить головку – было очень больно. Я пытался войти внутрь – боль становилась еще сильнее. И вдруг эрекция закончилась. Я был совершенно бессилен. Кристина лежала неподвижно и никак не пыталась мне помочь. Только много позже я понял, что она была девушкой, и я не мог проломить ее сопротивление. Я был в отчаянии. Кристина все приняла совершенно спокойно и ни единым словом не упрекнула меня. В течение всей ночи брался за дело несколько раз, все с тем же удручающим результатом. Утром разъехались по домам – она просила не провожать ее.

А летом мы вдвоем поехали в Крым. Жили в маленьком сарайчике, в котором стояла одна большая кровать, и оставалось совсем немного пространства, чтобы встать с этой кро-

вати. Окошко было завешено пожелтевшей марлей. Постепенно все наладилось. Мы занимались любовью по несколько раз в день. Утром шли на местный базар и покупали 4 персика по 30 копеек за штуку. Потом море, солнце, путешествия. О возможности брака я никогда не задумывался. Я не знал, что это такое. А жизнь тем временем начинала поворачиваться новой гранью.

Столкновение с реальностью

Была осень 1974 года. Собралось несколько человек: Кристина, Володя Харченко, Володя Боровко (в просторечии Бен), Фима и я. Сбор происходил в комнате, которую снимал для себя Мельников, уехавший в эти дни на свою историческую родину в г. Иваново. Тему держал Бен. Большой, красивый, голубоглазый и кудрявый, он не выпускал из рук гитару и пел неплохо поставленным голосом песни собственного сочинения. Только потом я понял, что песни эти так себе, Бену явно не давала покоя слава Высоцкого, и он выдрючивался, как мог. Харченко слушал его, широко разинув рот. Сам Харченко был довольно неплохим художником, я познакомился с ним в Крыму, где он писал мой портрет. Кристина пребывала в состоянии вдохновения, так же не спуская глаз с Бена. Фима откровенно скучал и потягивал сухое вино из огромного бокала. Когда Бен, наконец, устал и смолк, завязался незатейливый разговор про товарища Сталина. Кристина водрузила на голову Бенову шляпу и сияла глазами. Ближе к ночи все пошли гулять. В какой момент Бен с Кристиной исчезли и куда они направились – мне неизвестно. Помню только, что вернувшись обратно в Мельниковские апартаменты, я зарыдал громко и неудержимо. Харченко как мог старался меня успокоить. Фима положил мне руку на плечо и сказал:

– Володь, я понимаю, что все это очень больно. Ты просто первый раз столкнулся с реальностью.

Я кивнул, давясь слезами:

– А она... она вернется? – спросил я.

– А куда она денется, – сказал Фима. – Жизнь, как правило, скупа на возможности.

Я заснул лишь под утро, куда-то провалившись.

Весь следующий день Харченко бегал за вином, и домой я вернулся уже к вечеру. Часов в 11 набрал Кристинкин номер.

– Ну что? – спросила она.

– Где ты была?

– А это тебе очень важно знать?

– Да, – ответил я.

– В таком большом четырехэтажном доме, – сказала она, – называется общежитие.

– Зачем, зачем ты это сделала?

– Знаешь, Назаров, не приставай ко мне. У тебя своя жизнь, у меня своя.

И повесила трубку.

Через несколько дней я встретил Бена в студенческом общежитии на Стромынке. Мы сидели в комнате вдвоем.

– Володя, – начал я, – она ведь тебе не нужна. Ты женат. А она пропадет. Сделай же что-нибудь.

– Хорошо, – сказал Бен. Достал бутылку вермута. – Выпить хочешь?

И мы распили ее, эту бутылку.

Вечером я писал письмо Ане Орловой, жене Ивана, Мельниковского друга. Месяц назад я провожал эту Аню с маленьким сыном в аэропорт – она летела в Вильнюс. Жила она в одном из промышленных городов Украины, а в нашем институте училась заочно. Замужем за Иваном была три года. Так вот, я писал этой Ане письмо, в котором излагал все, что со мной случилось.

Потом наступила зима. Каждый день падал снег. Его несло уже столько, что трудно было ходить. Вскоре пришел ответ от Ани. Она писала, что 25 декабря приедет на сессию. Жить будет на Стромынке. Письмо заканчивалось такой строкой: «... а что до знакомств, то мне бы очень хотелось познакомиться еще раз с Володей Казаровым». Она приехала, как и обещала, 25-го. Я встречал ее в 6 утра на Курском вокзале с букетом каких-то белых цветов. Она взяла меня под руку.

– Пойдем, – сказала она.

Высокая, стройная блондинка со слегка ассиметричным носом и серыми глазами, взгляд которых казался очень глубоким. Мы шли по Садовой. Увидев почтовый ящик, я бросил в него прощальное письмо Кристине, написанное еще несколько дней назад.

Прошлое уходило, и время, вновь выйдя на сцену, готовило зрителям очередные сюрпризы.

Сейчас я уже не помню, когда Кристина первый раз позвонила мне: до 25-го или после. Видно было, что ей захоте-

лось мира. Но я был уже другой. Я был вежлив, предупредителен, но и только. Она хотела встретиться со мной Новый год.

– Да, неплохо было бы, – сказал я. – А где?

– Поведи меня в какую-нибудь компанию.

– Я тебя уже водил.

Она молчала минуту, потом сказала:

– Ты не понимаешь. Все совсем не так, как ты думаешь.

Я тебе не изменяла.

– Какое это имеет значение? А что касается Нового года, я постараюсь узнать. Позвони мне утром 31-го.

Мы попрощались и одновременно положили трубки.

Я проводил с Аней целые дни. Она словно накинула на меня какую-то ниточку и на этой ниточке вела. А мне льстило, что такая интересная женщина отдает мне свое время. Она заявила, что хочет встретить Новый год со мной вдвоем. Перед моим мысленным взором мелькнула Кристинка и тут же исчезла. Я решил, что имею право наказать ее.

Таким образом, пришлось снова обратиться к Елене Владимировне за ключами.

– Только не делай глупостей, – сказала она, передавая мне ключи.

– Да какие глупости?! Вы посмотрите на меня.

Она посмотрела и улыбнулась. Елену Владимировну я знал с детства. Она была маминой подругой с девятьсот лохматого года. Жила она у Елизаветы Алексеевны, другой маминой подруги, на Воротниковском переулке в центре Моск-

вы. А квартира в Коломенском стояла пустая, но друзья Е. В. пользовались ей, если хотели уединиться. Рассказ о Е. В. еще впереди, а сейчас я стремительно готовился к празднику.

Было 10 часов вечера. Продукты, шампанское, водку я уложил в холодильник и вдруг решил, что нужно принять ванну. Аня могла приехать в любой момент, и я отпер замок, чтобы она могла войти. Поплескавшись, я причесался и вышел в одних плавках. В коридоре стояла Аня в своем светлом, приталенном пальто.

– Привет, – сказал я.

– Привет, у тебя хорошая фигура. Можно раздеться?

Через десять минут мы лежали на кушетке, и я впивался в ее губы. Могу сказать только, что свою функцию я выполнил, но не слишком удачно.

– Ничего, – сказала Аня, глядя мои волосы, – скоро ты ко мне привыкнешь, и тебе больше никто не будет нужен.

Мы не выходили из квартиры три дня. Я действительно к ней привык за это время. Я любил ее.

Дальше начался сумасшедший январь 1975 года. Встречи с Аней Коломенском. Встречи с Кристиной в кафе и на улицах Москвы, ее слезы и ужасное чувство, что я ничего уже не могу сделать. Встречи с Мельниковым, разговоры с Иваном, и водка до утра. Меня уносил куда-то поток жизни.

Скачок

Елизавета Алексеевна и Елена Владимировна жили на Воротниковском переулке недалеко от станции метро «Маяковская», в большой трехкомнатной квартир.

Дом этот всегда был открыт для друзей. Приходили друзья, приводили своих друзей, а те – своих. Я приезжал туда довольно часто, потому как хозяев знал с самого раннего детства. Е. А. и Е. В. учились вместе в МГУ на филологическом факультете, а затем жизнь повернулась так, что они прожили вместе, не выходя замуж и не имея детей. Обе они очень любили мою маму, и частица этой любви досталась мне. Дом на Воротниковском был моим вторым домом, а вполне возможно, что и первым. Там мне было хорошо. Легкая, всегда благожелательная атмосфера притягивала, как магнит стрелку компаса. Там я узнал многое, и мои убеждения стихийного материалиста сильно трансформировались. Может быть, именно это спасло меня в те дни, когда я обнаружил то, чему разум не мог дать объяснения. Незаметно и без всякого нажима с их стороны мои тетушки готовили мою душу к самому сильному потрясению, которое я испытал в жизни.

Ольга Мишкина попала в этот дом через Наташу, с которой училась на высших курсах переводчиков. О том же, кто такая Наташа и откуда появилась, вряд ли стоит рассказывать, иначе вся повесть начнет принимать чудовищные раз-

меры. Все просто: Наташа была дружна с Е. А. и два года учебы прожила в ее квартире.

Ольга. Она была, как теперь говорят, сексапил № 1. Интересовалась одновременно восточной философией и приезжими американцами. Все, что она на себе носила, не могло быть сделано в Советском Союзе. И все это вместе с ее гиперактивностью окружало Ольгу ореолом волшебного магнетизма. Мои отношения с ней начались в мае 1977 года. Мы возвращались по одной ветке метро, и вдруг она сказала:

– Поехали ко мне. Будем читать «Мастера и Маргариту».

Я немедленно согласился. Никакой Маргариты, конечно, не было, а был очень бурный секс, после которого я отрубился. Мы встречались почти каждый день, а через две недели в ее школе переводчиков начались летние каникулы, и она укатила домой в Новосибирск. Я тащил ее чемоданы до вокзала, мы попрощались, и Ольга сказала:

– Напиши мне обязательно.

Письмо я так и не написал, хоть все лето и обдумывал его. В сентябре уехал со своим школьным еще другом в Сочи, а вернувшись, застал Ольгу уже совсем иной. Она играла со мной в какую-то странную игру, но ни о каком сексе уже не было и речи. Беседы о дзен-буддизме, установившиеся на Воротниковском, ее странные отношения с Наташей чрезвычайно возбуждали меня, и уже тогда, наверно, в моей душе начал вызревать какой-то миф. Все это продолжалось до весны. Теперь я приближаюсь к самому непостижимому

отрезку своей жизни, описать который можно лишь штрихами, ибо целиком он никогда не уложится в пространство бу- мажного листа и даже в объем книги.

Кто такой я? Каким образом возник и почему родился именно человеком? Мог ли я вообще не родиться или ро- диться, скажем, кошкой? И как бы мог существовать мир, если бы меня не было?

Началось с гипноза. Я отдавал мысленные приказы, и лю- ди подчинялись им. Меня как будто окружала мощная гип- нотическая аура. Затем я начал слышать ее голос, звучащий непосредственно в моем сознании. Мы могли мысленно раз- говаривать, хотя физически она отсутствовала.

Я постигал все новые и новые глубины Вселенной. В моем сознании как будто крутились цветные узоры калейдоскопа. Как далеко все это было от теории Маркса-Энгельса! Все бы- ло реально и при этом не вызывало никакого страха. Я экс- периментировал над собой и другими.

Был Страстной четверг. Мы сидели вдвоем в комнате спи- ной друг к другу. Я мысленно спросил ее:

«Кто все это создал?»

«Бог», – прозвучал голос в моем сознании.

«Бог, Бог... а кто Бог: ты?»

«Нет».

«Так кто же, я?»

«Да!»

И тогда я закричал, а она не шелохнулась. Сразу все мне

стало ясно. Я больше не произнес ни слова и вскоре ушел.

Странное небо над головой. Сплошные серые облака. Вечер, проколотый иглами фонарей. Почти никого вокруг. И в центре всего этого непостижимого мира – я. Это было в четверг. А в субботу родители отвезли меня в психиатрическую больницу.

Иногда я думаю, что в наше время мои фантазии не заинтересовали бы ни одного немецкого врача.

– Как ваше имя? – спросил бы врач.

– Иисус Христос.

Он протянул бы мне руку:

– Очень приятно. А я Штольц. Завтра выходите на работу. – Свобода Совесть.

Но не так было в СССР образца 1978 года. При словах «я Иисус Христос» врачи делали стойку и не сводили с меня взгляда. Потом пошли нейролептики. Лечили меня долго и основательно. После выписки из больницы система фактов в моем сознании уже рассыпалась, оставив лишь одни незначительные фрагменты.

Развязка

Я никогда не верил, что Лариса будет моей, что будет со мной хотя бы один раз, а уж этого-то я всегда умел добиваться от женщин. Вероятно, оттого, что видел в ней Музу, любил любовью, скорее, духовной, чем плотской, с трудом смотрел в ее глаза, и если наши взгляды встречались, чувствовал себя совершенно беспомощным. Но бог поэзии говорил громко и властно. За 1981 год я сочинил столько стихов, что ими можно было бы оклеить все стены моей комнаты, если бы кому-нибудь захотелось это сделать. Хотел ли я издать свои стихи? Вряд ли. Прежде всего, мне было бы противно обсуждать их с любым редактором. И, кроме того, какая-то непонятная сила запрещала мне это сделать. Мой отчим как-то сказал, что насчет публикации я могу быть совершенно спокоен – ее никогда не будет.

– Твои стихи не советские, – мягко сказал он, растягивая вторую гласную. Получилось не сове-е-е-тские. Больше он ничего не сказал, а мне было скучно допытываться, что советское, а что нет. От этих мыслей начинала болеть голова. А стихи Пастернака – советские? И все-таки их издавали. Даже при жизни.

Елизавета Алексеевна как-то сказала, что лучший поэт – это мертвый поэт. Он уже никому не может помешать. Я же хотел признания при жизни, но совершенно ничего для это-

го не делал. Лариса, Лариса, мне нужна была только Лариса, иначе зачем признание. А она совсем неплохо относилась ко мне. Однажды мы были на выставке «300 картин из Лувра». Остановившись перед одной из них, на которой был изображен Христос, снятый с креста, я некоторое время рассматривал ее, а затем сказал Ларисе:

– Художник так убедительно изобразил мертвое тело, что трудно поверить, будто оно когда-нибудь может воскреснуть.

Мы пошли дальше, и она шепнула мне:

– Видишь вон того? Он повторил своей даме твоё заключение. Она могла гордиться за меня, если у меня что-нибудь хорошо получалось, а если не получалось – молча презирала.

Она попросила повесить ей на дверь новый накладной замок. Возился очень долго, и работа получилась настолько халтурная, что ей впоследствии пришлось все переделывать. На месте, изуродованном сверлом, появилась врезанная в дверь доска. Думаю, именно этого она не могла простить мне никогда.

Трудно в это поверить, но я каждый день шел на работу, как на праздник. Я работал тогда программистом в одном из многочисленных московских ВЦ. Когда появились эти чудовищные гробы класса IBM-360, большевикам срочно понадобилось все пересчитать. Моим начальником был ровесник Боря Ракитов. Мы с ним быстро установили полу дружеские отношения. По образованию он был физик-теоретик, но с наукой у него не сложилось и ему пришлось включиться в

эти арифметические обряды. Боря хорошо знал, что я влюблен в Ларису, но своего отношения к этому никак не выказывал. Вообще-то у него была жена, сын, и как конкурента я его серьезно не рассматривал.

Летом 1981 года я позвонил Ларисе и после предварительного никому ненужного трепа вдруг замолчал.

– Ну что? – спросила она.

– Я люблю тебя.

– Давно?

– С первого взгляда.

Она что-то сказала, а потом добавила.

– Давай подождем до зимы.

А зимой был этот злосчастный замок. Я еще тогда не понимал, что партия проиграна. Видит Бог, я хотел сделать хорошо, но как сказал тот японец из анекдота «все, что вы делаете руками – ужасно».

В том, что руки растут у меня не из того места, я убедился, когда решил освоить гитару. Меня не останавливало даже то, что я незнаком с нотной грамотой. Знал только, что левой рукой надо прижимать струны к железным пластинкам на грифе, а правой извлекать звуки из струн. Зажимать струны было необыкновенно трудно, они никак не хотели звучать. Уже через два дня я искалечил себе пальцы, а гитара упорно не хотела играть. Что заставляло меня проводить этот эксперимент, я не знал. Трудно поверить, что я решил уподобиться Высоцкому и сочинять песни. Скорее все-

го, невостребованная любовь заставляла меня что-то делать и наощупь прокладывать путь в будущее. Опьяненный своей любовью, я не заметил, как над моей головой стустились тучи. Я давно уже пренебрегал производственным режимом, приходил на работу и уходил с нее, когда хотел. Все это нервировало руководство, но до поры до времени оно терпело. Я не знал, что по конторе уже давно ползают обо мне различные слухи. Как-то Лариса сказала мне:

– Сегодня я шла с директорской секретаршей, и она рассказывала мне о тебе.

Мне было на все наплевать. Я ощущал себя безнаказанным. И как оказалось, напрасно. В тот мартовский день 1982 года, когда я сидел у Фимы и распивал с ним бутылку коньяка «Арарат», директор собрал сотрудников нашего ВЦ на сходку, меня обсудили, проголосовали и приняли решение уволить по статье. Как я узнал позже, Ларисы на том собрании не было. Сославшись на нездоровье, она ушла домой. Одержав победу, директор последний раз предложил мне уволиться самостоятельно. На этом очередной отрезок жизни был завершен. А еще через месяц я приехал к Ларисе, мы о чем-то разговаривали, и вдруг она сказала:

– Знаешь, вчера к нам на работу приходила Борина жена.

– Зачем? – спросил я.

– Жаловалась на меня из-за Бори.

– На тебя? За что?

– Я за него замуж выхожу – спокойно сказала она.

Я не мог сказать ни слова. Это было настолько неожиданно, как будто, свернув с Садовой, где располагался наш ВЦ, на Сретенку, я увидел небоскребы Нью-Йорка.

– И что же... давно? – наконец выдавил я, с трудом разжав губы.

– Да, порядочно, – ответила она.

Мир рухнул. Придя домой, я, не раздеваясь, плюхнулся на диван и не заметил, как заснул. Мне снилась какая-то ерунда: московские дворы, помойки рваной бумаги, заборы. И вдруг я обнаружил, что иду по незнакомому переулку с Высоцким. Мы курили и разговаривали о чем-то очень интересном. Но его слова я тут же забывал. Тогда я, пытаясь сосредоточиться, попросил:

– Скажи еще раз главное. Я забываю твои слова.

Он бросил под ноги окурок, наступил на него ботинком и сказал:

– Ты разрушишь этот режим. Понимаешь, только ты один можешь это сделать. Иначе я бы не говорил с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.